

А. Будиловичъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

О НАУЧНОЙ ПОСТАНОВКѢ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ, ЕЯ
ОБЪЕМѢ, СОДЕРЖАНИИ И ПЕРІОДАХЪ.

Юрьевъ.

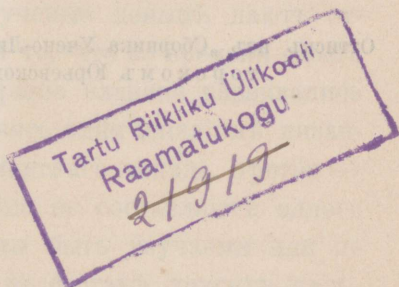
Типографія К. Маттисена.

1898.

А. Будиловичъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

О НАУЧНОЙ ПОСТАНОВКѢ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ, ЕЯ
ОБЪЕМѢ, СОДЕРЖАНИИ И ПЕРІОДАХЪ,

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1898.

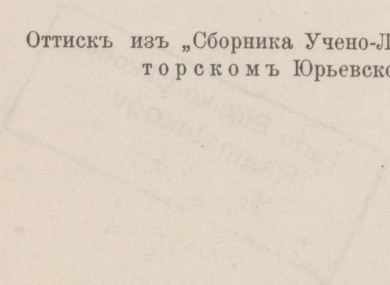
А. Буднов

Историческое общество

Историческое общество

Историческое общество

Оттискъ изъ „Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ“ выпускъ I.

Est - A

Tartu Riikliku Olikooli
Raamatukogu

15413

На вопросъ: „возможна ли славянская исторія, какъ самостоятельная наука“, многіе ученые доннѣ даютъ отвѣтъ отрицательный, ссылаясь на то, что со времени своего выступленія на историческое поприще славяне развивались во взаимномъ отчужденіи, подчиняясь одни вліяніямъ византійскаго юга, другіе — романогерманскаго запада, третьи — тюркскаго востока, а слѣдовательно не составляютъ одного историческаго организма и должны быть изучаемы или по отдѣльнымъ группамъ, или даже въ составѣ другихъ культурныхъ организмовъ, напр. югославяне въ составѣ исторіи византійской, венеціанской, турецкой, славяне западные — въ составѣ исторіи романогерманской, главнымъ образомъ въ исторіи священной римской имперіи нѣмецкой націи и т. п. По этой, кажется, причинѣ до недавняго времени не было въ русскихъ университетахъ и особой кафедрой для славянской исторіи, а существовали только кафедры славянской филологіи, славянскихъ нарѣчій и литературъ, славянскихъ законодательствъ и т. п. Въ Юрьевскомъ же университетѣ доннѣ не имѣется и такихъ кафедръ, а только чистолингвистическія, именно: 1) „русскаго языка въ особенностяхъ и славянскаго языковѣдѣнія вообще“ и 2) „сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій“. То же замѣ-

чаемъ и въ заграничныхъ университетахъ: такъ напр. мы находимъ каѳедры славянской филологіи въ университетахъ Львовскомъ (проф. Калина), Краковскомъ († Л. Малиновскій), Будапештскомъ (Асботъ), Загребскомъ (Маретичъ), Пражско-чешскомъ (Гебауеръ, Поливка, Пастрнекъ), Вѣнскомъ (Ягичъ, Вондракъ, Мурко, Решетаръ), Грацскомъ (Крекъ, Стрекель), Берлинскомъ (Брикнеръ), Лейпцигскомъ (Лескинъ, Шольвинъ, Вольнеръ); кое гдѣ встрѣчаемъ и каѳедры славянскихъ древностей (напр. въ Вѣнѣ — проф. К. Иречекъ), славянскихъ языковъ и литературъ (въ Прагѣ — проф. Махаль, въ Парижѣ — проф. Л. Леже въ Collège de France, въ Оксфордѣ — Морфилъ, въ Упсалѣ — Люндель и т. д.): но каѳедры для славянской исторіи, насколько извѣстно, нигдѣ нынѣ не существуетъ. Даже каѳедра славянскихъ законодательствъ, учрежденная въ Россіи по уставу 1863 г., не могла у насъ удержаться и упразднена уставомъ 1884 г., такъ что нынѣ она существуетъ единственно въ Варшавскомъ университетѣ (проф. Зигель), по уставу 1869 г.

Въ нашихъ учебныхъ планахъ и экзаменаціонныхъ программахъ послѣдняго времени встрѣчаются уже, правда, термины: исторія славянъ, исторія славянскихъ народовъ; но изъ этихъ программъ видно, что подъ славянскими народами здѣсь разумѣются собственно только южные и западные славяне, т. е. двѣ вѣтви, отрываемыя отъ основного ствола, какимъ безспорно является славянство восточное или русское.

Да это и не удивительно, если вспомнимъ, что даже въ тѣхъ отдѣлахъ славяновѣдѣнія, которые основаны на языкѣ, напр. въ исторіи славянскихъ литературъ и въ курсахъ славянскихъ грамматикъ, обыкновенно ограничиваются механическимъ сброшюрованіемъ, такъ сказать, отдѣльныхъ монографій литературнаго или грамматическаго характера, вмѣсто переработки ихъ въ одно органическое цѣлое. Для примѣра можно сослаться на Исторію славянскихъ литера-

туръ Пыпина и Спасовича, а также на I и III томы Сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій Миклошича. То же видимъ и въ Лекціяхъ по славянскому языкознанію проф. Флоринскаго (Кіевъ 1895—1897 гг.). Конечно, подобное изолированное изученіе и изложеніе фактовъ славянской діалектологіи, литературы, юриспруденціи, исторіи и т. д. несравнено легче, чѣмъ цѣльная, сравнительная ихъ обработка. Но при рѣшеніи вопроса о возможности или невозможности примѣненія этого послѣдняго метода къ фактамъ славянской исторіи мы должны руководствоваться не большею или меньшею трудностію примѣненія такого метода, а самою сущностію дѣла, именно рѣшеніемъ вопроса: представляетъ ли славянство только племенное цѣлое, или и культурно - историческое? Есть ли оно историческій организмъ, всѣ части котораго связаны общностію не только происхожденія, но и историческихъ задачъ и цѣлей, единствомъ наконецъ управляющихъ ими законовъ развитія? Если такое единство существуетъ, то въ немъ безспорно заключается вполнѣ законный предметъ для историческаго изученія и изображенія, какъ ни трудно можетъ быть на первый разъ такое изображеніе. Особая наука объ историческихъ судьбахъ славянства будетъ въ такомъ случаѣ не только возможна, но и необходима въ такой же мѣрѣ, какъ напр. наука объ историческихъ судьбахъ міра китайскаго, индійскаго, иранскаго, греческаго, римскаго, т. е. исторія китайская, индійская, греческая и т. д.

Итакъ, существуетъ ли славянство, какъ одинъ историческій организмъ, хотя бы очень сложный и разчлененный на болѣе или менѣе самостоятельныя вѣтви или разновидности? Думается, что да, ибо это является естественнымъ слѣдствіемъ какъ племенного единства славянъ, такъ и общности ихъ историческихъ судьбъ.

Племенное единство славянъ, какъ результатъ ихъ происхожденія отъ одной матери, нагляднѣе всего выражается въ ихъ языкѣ, который доннынѣ сохранилъ наслѣдіе

языка праславянского съ такой вѣрностію и консерватизмомъ, какого мы не найдемъ ни въ индійской семьѣ живыхъ языковъ, ни въ латинской, ни въ германской, а развѣ въ отдѣльныхъ разновидностяхъ романизма или германизма, напримѣръ въ системѣ нарѣчій французскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ, скандинавскихъ и т. п. Это единство славянскихъ нарѣчій обнимаетъ и систему звуковъ, и строеніе формъ, характеръ ихъ значеній, основные типы фразеологіи и синтаксиса, а наконецъ — весь матеріаль лексикальный. Лишь болгарское нарѣчіе нѣсколько уклоняется отъ прочихъ въ отношеніи морфологическомъ, но это явленіе относительно новаго времени, аналогіи для котораго могутъ быть указаны напр. въ строеніи нынѣшняго *plattdeutsch* по сравненію съ болѣе архаичнымъ *hochdeutsch*. Къ тому же въ болгарскомъ народѣ, при измѣненіи строя рѣчи, въ направленіи аналитическомъ, все же не умерло еще чувство древнихъ, синтетическихъ ея формъ, благодаря сохраненію въ богослуженіи языка церковнославянскаго, который въ общемъ сохранилъ типъ языка древнихъ болгаромакедонскихъ славянъ 9—10 вв.

Единство системы живыхъ славянскихъ нарѣчій не мало поддерживается существованіемъ промежуточныхъ формъ въ мѣстахъ соприкосновенія отдѣльныхъ группъ или нарѣчій, каковы напр. мость словенскій между нарѣчіями русскимъ и чехоморавскимъ, словинскій между послѣднимъ и сербохорватскимъ, македонскій между сербскимъ и болгарскимъ и т. п.

А такъ какъ въ языкѣ отражаются не только анатомо-физиологическія, но и народнопсихологическія основы жизни личной и собирательной, въ частности же вся познавательная дѣятельность человѣка и народа, то понятно, что по единству славянскаго языка можно заключать объ единствѣ этихъ основъ и этой дѣятельности, которая тѣсно связана съ наукой и поэзіей, слѣдовательно составляетъ чуть ли не главную струю въ культурномъ оборотѣ народовъ. При

этомъ нельзя еще не отмѣтить, что у славянъ съ давняго времени, наряду съ живыми нарѣчіями и дробными литературными діалектами, существовали болѣе или менѣе распространенные общіе языки, напр. церковнославянскій, впослѣдствіи же — на югѣ сербскій, на западѣ чешскій, отчасти и польскій, въ новѣйшее же время — міровой языкъ русскій: это также является залогомъ культурнаго взаимодѣйствія между многими или всѣми вѣтвями славянства, ихъ развитія на общихъ физикопсихическихъ основахъ, въ направленіи къ одному общему историкокультурному типу.

Не маловажнымъ условіемъ культурной близости славянъ является, затѣмъ, общая византійская школа, которую они прошли то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ въ начальные вѣка своей культурной исторіи.

Изъ средневѣковой исторіи извѣстно, что въ періодъ выступленія славянъ на историческое поприще въ Европѣ было два культурныхъ центра: Римъ и Цареградъ, двѣ образованности: западная или римская и восточная или греческая. Дуализмъ этотъ возникъ не случайно: онъ коренится на различіи историческаго генія грековъ и римлянъ, нѣсколько аналогичномъ различію генія индійскаго и иранскаго въ средѣ арійцевъ азійскихъ. Индусы въ Азій, а эллины въ Европѣ представляютъ богатое развитіе личности — въ области религіи, искусства, науки, но слабое развитіе государственности, тогда какъ Иранъ (Персія) и Римъ, наоборотъ, создали мало великаго въ области личной жизни, но много въ области государственной, въ сферѣ права. Когда появилось христіанство и распространилось сначала въ мірѣ эллинскомъ или вѣрнѣе эллинистическомъ, а потомъ и въ мірѣ римскомъ, западномъ, то и на немъ не могло не отразиться это основное различіе эллинизма отъ романизма; вслѣдствіе сего уже рано, съ IV—V вв. начинаютъ все болѣе обозначаться своеобразныя особенности христіанства восточнаго, сблизившагося съ гре-

ческой философіей и поэзіей, греческимъ демократизмомъ, греческой децентрализаціей съ одной стороны, а христіанства западнаго, сроднившася съ римскимъ абсолютизмомъ, формальнымъ правомъ и довольно матеріалистическимъ притязаніемъ на *dominium orbis* — съ другой.

На почвѣ византійской, обильно пропитанной наслѣдіемъ не только греческой философіи, но и римскаго права, контрасты генія эллинскаго и римскаго были, правда, нѣсколько смягчены разнообразіемъ культурныхъ идей и формъ. Но все же, старинный дуализмъ классическихъ культуръ южной Европы не былъ устраненъ и перенесеніемъ римской столицы въ Цареградъ, а впоследствии еще усилился отъ раздѣленія имперій и церквей, которое приблизительно совпало съ временемъ выступленія славянъ на историческую сцену и отразилось важными послѣдствіями на всей дальнѣйшей ихъ исторіи.

Уже и раньше, будучи размѣщены главнымъ образомъ по склонамъ Карпатовъ и теченію рѣкъ Черноморскаго бассейна, славяне стояли въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ эллинизму, чѣмъ къ романизму, тогда какъ кельты и германцы, наоборотъ, издревле занимали страны болѣе западныя, входившія въ римскую имперію или сосѣдившія съ нею, вслѣдствіе чего она и втянула ихъ постепенно въ кругъ своего культурнаго вліянія. Съ V-го же вѣка, когда славяне заняли Балканскій полуостровъ и долины средняго и нижняго Дуная, они еще сильнѣе примкнули къ центру восточнохристіанской образованности, особенно послѣ принятія ими христіанства и учрежденія въ IX в. трудами свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ — грекославянской церкви. Она сроднила славянъ съ византійскою письменностью, византійскою жизнью политической, общественною, экономическою, византійскимъ искусствомъ, наукою, правомъ, что и опредѣлило дальнѣйшее культурное развитіе славянъ, особенно южныхъ и восточныхъ. Въ первые вѣка славянской исторіи этотъ могучій потокъ

грекославянской образованности охватилъ и западныя области нашего племени: Угрію и Хорватію, Чехію и Польшу. Хотя въ послѣдствіи онъ былъ тамъ значительно ослабленъ вліяніями латинонѣмецкими, однако не стертъ ими въ конецъ: онъ замѣтенъ напримѣръ въ движеніяхъ гуситской эпохи, отчасти и въ позднѣйшей, чешско-братской; онъ же является однимъ изъ двигателей славянскаго возрожденія въ XIX в.

Но гораздо крѣпче отразился византійскій или восточнохристіанскій отпечатокъ на образованности южнославянской и русской, хотя въ послѣдствіи и въ эту среду вторгались съ разной силой вліянія то латинонѣмецкаго запада (черезъ Венецію, Латинскую имперію, Нѣмецкія марки, Тевтонскій орденъ, Остзейское рыцарство и т. д.), то азіатскаго востока. Самымъ нагляднымъ выраженіемъ такого отпечатка служить сохраненіе у южныхъ и восточныхъ славянъ кирилло-меѳодіевской или грекославянской церкви, кирилловской азбуки, а также сохраненіе или вѣрнѣе восстановление въ ихъ средѣ восточнохристіанской имперіи, по типу въ основѣ византійскому, хотя и осложненному въ послѣдствіи разнообразными восточными и западными вліяніями. Да и воскресшія въ новое время на югѣ славянскія государства: Черногорія, Сербія, Болгарія то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ сбиваются иной разъ на политическій и общественный строй старыхъ южнославянскихъ государствъ, развившихся на почвѣ византійской имперіи и въ тѣсномъ взаимодействіи съ нею. Много византійскихъ элементовъ можно замѣтить и въ области славянскаго искусства (церковнаго зодчества, иконописи, церковнаго пѣнія и т. п.), въ славянской философіи, этикѣ, вообще наукѣ, причемъ конечно элементы эти смѣшиваются и съ другими культурными вліяніями, а также съ произведеніями собственнаго національнаго творчества славянъ.

Если этихъ общихъ соображеній о единствѣ не только племенныхъ, но и культурныхъ основъ славянской истори-

ческой жизни еще не достаточно для тезиса о славянствѣ, какъ одномъ историческомъ организмѣ, то изъ исторіи можно привести не мало фактовъ взаимодѣйствія то всѣхъ, то многихъ вѣтвей этого племени, и безспорнаго вліянія судебъ одной изъ нихъ на судьбы другой или даже на судьбы всего племени, наряду съ фактами признанія такого взаимодѣйствія лучшими людьми всѣхъ славянскихъ народностей, съ древнихъ временъ и до нашихъ дней.

Историческое взаимодѣйствіе между отдѣльными славянскими народами выражается прежде всего въ общности многихъ ихъ движеній, предпріятій, подвиговъ. Такъ въ разгромѣ восточной имперіи и вытѣсненіи древнихъ и недревнихъ обитателей Балканскаго полуострова приняли участіе вѣтви и такъ называемаго впослѣдствіи болгарскаго, и сербохорватскаго племени. Въ передвиженіи же на средне-славянскій западъ въ эпоху великихъ переселеній участвовали колѣна и хорутанословинскаго, и чехословенскаго, и серболужицкаго, и ляшскопоморскаго племень. Когда же въ IX—XI вв. постепенно выдѣлились государства: болгарское, сербское, хорватское, великоморавское, чешское, польское, русское, то съ первыхъ же дней ихъ существованія обнаруживается въ ихъ средѣ стремленіе объединять 2—3 народности въ одно политическое цѣлое, напр. болгарь и сербовъ при Симеонѣ и Самуилѣ, а потомъ при лучшихъ Асенидахъ и Неманичахъ, особенно при Душанѣ Сильномъ въ половинѣ XIV в. Въ великоморавское государство Ростислава и Святополка въ IX в. входили вѣтви славянъ чехословенскихъ, паннонословинскихъ, вѣроятно и паннонохорватскихъ, а быть можетъ и угрорусскихъ, ляшскихъ, серболужицкихъ. Въ XV и XVI вв. Чехія и Польша не разъ вступали въ династическое союзы, иногда со включеніемъ и Венгріи, которая издревле тѣсно связана съ историко-культурной системой западнаго, отчасти и южнаго славянства. Польскіе короли уже со временъ Болеслава Храбраго стремятся къ соединенію съ поморянами,

отчасти и серболужичанами на западѣ, а вѣтвями западно-русскими на востокѣ, причемъ полякамъ иногда удавалось достигать Кіева и Пскова, даже Москвы (при Самозванцахъ), хотя имъ не довелось тамъ утвердиться прочнымъ образомъ. И Русь издавна стремилась за свои предѣлы, въ края инославянскіе, напр. въ Болгарію при Святославѣ, въ Польшу отчасти и въ Угрію при св. Владимірѣ и его ближайшихъ потомкахъ, и въ концѣ концовъ она дѣйствительно успѣла утвердиться въ средоточіяхъ одной изъ западнославянскихъ народностей, именно въ Польшѣ, осуществивъ такимъ образомъ идею Люблинской уніи, но съ другого конца.

Еще болѣе тѣсныя связи между отдѣльными, особенно смежными славянскими племенами проявляются въ области отношеній церковныхъ и литературныхъ. Дѣятельность напр. свв. Кирилла и Меѳодія распространялась на славянъ и южныхъ, и западныхъ, и восточныхъ, слѣд. имѣла общеславянскій характеръ. То же можно сказать, до нѣкоторой степени, и объ ихъ ближайшихъ ученикахъ, а равно и объ основанной ими школѣ и письменности—литургической, святоотеческой и т. д. Нагляднымъ выраженіемъ послѣдняго служатъ разнообразныя изводы древнихъ церковнославянскихъ рукописей, напр. изводъ болгарскій, сербохорватскій, панноно-словинскій, чехословенскій, русскій и т. д. Находящееся въ исторической связи съ этою кирилло-меѳодіевскою школою чешское гуситство XV в. обхватило не чешскія лишь области, но и моравскія, словенскія, отчасти и польскія, слѣд. всѣ почти западнославянскія. То же видимъ въ дѣятельности чешскихъ и моравскихъ братьевъ и послѣдняго ихъ епископа Амоса Коменскаго. Да и вообще, чешская литература XV—XVI вв. имѣла сильное вліяніе на польскую, а эта послѣдняя — на западнорусскую въ XVI—XVIII в., отчасти и донынѣ, напр. въ Галичинѣ. Но и русская письменность, въ свою очередь, находилась въ самомъ живомъ взаимодействіи съ прочими славянскими, особенно южными,—

сначала пассивномъ, пока главные очаги этой письменности находились на болгарскомъ и сербскомъ югѣ, а потомъ и активномъ, когда тѣ очаги потухли подъ турецкимъ игомъ и Русь стала главнымъ средоточіемъ церковной и литературной жизни для всего славянскаго и вообще православнаго юга, что отчасти продолжается и донинѣ. Да и западное славянство, особенно русская Польша, усердно изучаетъ нынѣ русскій языкъ, произведенія русской науки и поэзіи, получившія общеевропейское или даже міровое значеніе и распространеніе, но особенно близкія и родственныя нашимъ славянскимъ соплеменникамъ.

Впрочемъ, и независимо отъ прямыхъ сношеній между отдѣльными вѣтвями славянства, можно замѣтить внутреннюю связь ихъ судьбы въ племенной борьбѣ съ завоевательными стремленіями то европейскаго Запада, то азіатскаго Востока. До тѣхъ поръ, пока на западѣ существовали, какъ передовые посты славянства, государства великоморавское, чешское, поморскія, вполне прикрыты были отъ давленія нѣмцевъ не только Русь, но и Польша и славянскій югъ, вслѣдствіе чего они могли развиваться болѣе или менѣе самостоятельно и отражать своихъ насильниковъ. Но когда Великоморавія пала, сразу ухудшилось положеніе и Чехіи и Польши; когда же нѣсколько вѣковъ спустя завоеваны были германцами дробныя вѣтви серболужицкаго и прибалтійскаго славянства, то нѣмцамъ и скандинавцамъ удалось перенести бой на берега Вислы, Двины, Наровы, Невы и нанести серіозные удары и полякамъ и Руси и связаннымъ съ ними инородцамъ лѣтскаго и чудскаго происхожденія.

Одновременно съ тѣмъ упадокъ государствъ хорватскаго и болгарскаго въ XI—XII вв. наряду съ усиленіемъ нѣмечины въ Венгріи, значительно облегчили движеніе на православный востокъ крестоносныхъ полчищъ запада и даже временное утвержденіе въ Цареградѣ Латинской имперіи, съ латинскими же королевствами, герцогствами, граф-

ствами въ Солуни и Аѳинахъ, на Кикладахъ и Спорадахъ, даже на побережьяхъ Сиріи и Палестины. Подъемъ же въ XII—XIV вв. государствъ болгарскаго и сербскаго немедленно отразился на ослабленіи этихъ феодальныхъ стоянокъ латинянъ на почвѣ восточнохристіанской, хотя окончательный разгромъ этихъ стоянокъ, особенно самыхъ упорныхъ между ними — венеціанскихъ, былъ заслугою и подвигомъ уже на славянъ, а турокъ. И позже лишь западное славянство сдерживало напоръ на Востокъ германизма, особенно въ войнахъ гуситскихъ съ имперіей и польсколитовскихъ съ орденомъ. Когда же разгромлены были нѣмцами въ XVII—XVIII вв. государства чешское и польское, самой Россіи пришлось отражать при Карлѣ XII, Фридрихѣ II, Наполеонѣ I и III напоръ съ запада. Но слѣдуетъ отмѣтить, что напоръ этотъ не мало облегченъ былъ латинонѣмецкимъ воспитаніемъ и направленіемъ высшего польскаго, а позже — и русскаго общества, которое вслѣдствіе того не только въ смутахъ самозванчества, но и позже, при Биронѣ, Чарторыжскомъ, Нессельроде и т. д. не мало послужило цѣлямъ и Рима, и Германіи, вообще — латинонѣмецкаго запада.

То же приблизительно наблюдается и въ отношеніяхъ славянства къ азіатскому Востоку. Пока Русь сдерживала напоръ половцевъ, печенѣговъ, татаръ, монголовъ и т. д., за ея охраннымъ валомъ могли болѣе или менѣе свободно отъ натиска съ этой стороны развиваться славяне запада и юга. Но когда азіатамъ удавалось прорвать этотъ валъ, орды кочевниковъ легко разливались по землямъ южнаго и западнаго славянства, нанося ему тяжелые удары, какъ это извѣстно изъ исторіи аваровъ, болгаръ, угровъ, половцевъ, особенно же монголовъ Чингисхана и Батыя. И турки могли только черезъ головы югославянъ приблизиться къ Угріи, Дакии, Украинѣ и въ теченіе столькихъ вѣковъ угрожать съ юга и Руси и Польшѣ.

При этомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи — то активномъ,

то пассивномъ — между отдѣльными славянскими народами, естественно предположить, что между ними должно было отъ времени до времени возникать какъ бы культурное представительство однимъ народомъ — цѣлой группы славянскихъ народностей или и всего племени. Въ IX в. подобное положеніе — въ нравственномъ смыслѣ — занимала Великая Моравія, особенно при жизни свв. Кирилла и Меѳодія. Оттуда расходились ихъ ученики — какъ учителя и миссіонеры — во всѣ славянскія земли и запада, и юга, и востока.

При царѣ Симеонѣ культурный центръ славянства переносится на югъ, въ Болгарію, а потомъ и Сербію, гдѣ таковой остается довольно долго, до конца XIV-го в., т. е. до завоеванія этихъ государствъ турками. Въ XV и XVI вв. во главѣ славянъ на сценѣ всемірной исторіи оказываются Чехи, въ вѣкъ гуситства, затѣмъ поляки, въ „золотой вѣкъ“ Сигизмундовъ, отчасти и далматинцы, въ вѣкъ возрожденія и блеска итальянской образованности. Съ XVIII-го же вѣка игемоническая роль между славянами переносится на востокъ, въ Россію, которая со временъ Петра В. становится надеждою и опорой всѣхъ славянъ, особенно южныхъ, какъ и другихъ православныхъ народовъ Востока. Возрожденіе этихъ народовъ совершается при тѣсномъ взаимодействіи — то физическомъ, то нравственномъ — съ Россіей, которая такимъ образомъ постепенно выдвигается до роли представительницы не только всего славянскаго племени, но и всей восточнохристіанской образованности.

Признанію исторической солидарности всѣхъ вѣтвей славянскаго племени, со включеніемъ живущихъ между ними и съ ними издревле инородцевъ чудскаго, тюркскаго, а отчасти и арійскаго происхожденія (каковы напр. греки, албанцы, румыны, литовцы, латыши и др.), вовсе не противорѣчатъ факты нерѣдкихъ раздоровъ и междоусобій въ ихъ средѣ, напримѣръ вѣковыхъ антагонизмовъ между бол-

гарами и сербами, сербами и хорватами, чехами и поляками, поляками и поморянами, особенно — поляками и русскими; подобно тому, какъ взаимные антагонизмы итальянцевъ и французовъ, французовъ и англичанъ, прусаковъ и австрийцевъ, шведовъ и норвежцевъ и т. п. не исключаютъ культурной близости всѣхъ этихъ народовъ, особенно же въ средѣ группъ: романской, нѣмецкой, скандинавской.

Правда, западныя вѣтви славянства, особенно поляки, чехомораване, словинцы и хорваты, изъ инородцевъ же — лѣты, финны, эсты и мадьяры довольно сильно пропитались идеями и формами западной жизни, въ областяхъ — религиозной, политической, общественноэкономической, научнохудожественной; но эта латинонѣмецкая культурная прививка является въ исторіи западныхъ славянъ не первою, а второю, послѣ нѣкотораго ослабленія прививки первичной, византийской, слѣды которой и донинѣ еще наблюдаются въ жизни означенныхъ народовъ. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что образованность западная налегла болѣе или менѣе плотнымъ слоемъ лишь на верхи западнаго славянства, мало, иногда и вовсе не коснувшись народныхъ массъ, напр. на Словачинѣ, въ горахъ Словѣніи, во внутренней Далмаціи, отчасти и въ глухихъ закоулкахъ чешской и польской народной области. Такимъ образомъ, если славянство представляется нынѣ для поверхностнаго наблюдателя окончательно разбитымъ на двѣ части: восточнохристіанскую и западохристіанскую, то при ближайшемъ разсмотрѣніи разрывъ этотъ не оказывается столь глубокимъ, не прошелъ еще сверху донизу, а слѣд. не можетъ считаться неодолимымъ препятствіемъ для возстановленія ихъ древняго культурнаго единства и признанія такового въ общихъ чертахъ, въ такой положимъ мѣрѣ, какъ это допускается для католической и протестантской вѣтвей германизма, или для великобританской и заокеанской группъ англосаксонскаго племенного и культурнаго типа.

Во всякомъ случаѣ, духовная близость славянства западнаго съ южнымъ и восточнымъ, насколько она коренится въ народныхъ массахъ, не уступаетъ той, какая существуетъ между міромъ романскимъ и германскимъ, принадлежащими безспорно къ одному и тому же латиновѣмскому культурному типу.

Что касается затѣмъ сознанія славянскаго племенного и культурнаго единства, то оно находило для себя выраженіе во всѣхъ почти вѣкахъ славянской исторіи въ народныхъ преданіяхъ, сказаніяхъ, а затѣмъ въ лѣтописяхъ и другихъ литературныхъ памятникахъ.

Уже одно имя „словѣне“, имѣвшее встарину не только видовое, но и родовое значеніе, наряду съ древними же именами: венеты (анты, вятичи) и сербы, свидѣтельствуетъ о присутствіи въ разныхъ вѣтвяхъ славянства сознанія своего племенного единства. Это единство представлялось издревле фактомъ до такой степени очевиднымъ и безспорнымъ, что ясное сознаніе его замѣчается и у древнихъ сосѣдей славянъ: грековъ, италиковъ, нѣмцевъ и др., которые также нерѣдко употребляли имена: *Sclavi*, *Veneti*, *Serbi* и т. п. не только въ видовомъ, но въ болѣе или менѣе широкомъ родовомъ значеніи, что сохранилось и до настоящаго времени въ нѣмецкихъ напр. терминахъ: *Slaven*, *slavisch*.

Когда же у славянъ зародилась письменность, то съ первыхъ дней ея возникновенія мы встрѣчаемъ тутъ обильныя доказательства яснаго сознанія племенного единства славянъ. Это ясно выражено и въ извѣстныхъ словахъ о славянахъ паннонскаго житія св. Кирилла, вложенныхъ въ уста византійскаго имп. Михаила:

да и вы причтетеся великихъ языцѣхъ, иже славятъ бога своимъ языкомъ.

Въ силу такого сознанія и могли принять на себя свв. Кириллъ и Меѳодій миссіонерскій подвигъ между сла-

вянами великоморавскими, къ которымъ они обратились словесно и письменно на нарѣчїи не великоморавскомъ, а нѣсколько иномъ, вѣроятно — цареградско-славянскомъ, издревле получившемъ наименованіе „словѣнскаго“ не въ видовомъ, а скорѣе въ родовомъ значенїи.

Не менѣе знаменательно въ этомъ отношенїи ясное сознаніе племенного единства славянъ въ старыхъ лѣтописяхъ, начиная съ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Послѣдняя неоднократно и настойчиво разъясняетъ, что „словѣне“— имя родовое, въ объемъ котораго входятъ и хорваты, и сербы, и хорутане, и ляхове, и наши поляне, древляне, дреговичи, полочане, словѣне (видовое имя ильменскихъ славянъ); что „такъ разидеся словенскый языкъ, тѣмъ же и грамота прозвася словенская“; что „словѣнскый языкъ и русскый одно есть“ и т. д. То же выражается въ западнославянскихъ лѣтописныхъ легендахъ о братьяхъ: чехѣ, лѣхѣ, русѣ, въ ихъ преданїяхъ о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія и въ другихъ многочисленныхъ литературныхъ указанїяхъ и фактахъ, въ обилии собранныхъ покойнымъ славистомъ Первольфомъ въ соч. О славянахъ, ихъ взаимныхъ отношенїяхъ и связяхъ.

Со второй же половины XVIII в., когда начинается возрожденіе и славянскихъ народностей и науки объ нихъ, фактъ какъ племенного, такъ и культурнаго единства славянъ постепенно входитъ въ общее сознаніе не только такихъ пророковъ, какъ: Колларъ, Штуръ, Хомяковъ, Данилевскій и мн. др., но и народныхъ массъ, что такъ ясно выразилось въ періодъ возстанїя герцеговинскаго, войны серботурецкой, особенно же — рускотурецкой. Результаты послѣдней вовсе не уничтожены ни ошибками русской дипломатїи, ни дѣятельностію сербскихъ милановцевъ или болгарскихъ стамбуловцевъ, а наоборотъ — продолжаютъ развертываться все дальше и шире, соприкасаясь незримыми нитями съ вопросами армянскимъ, греческимъ, египетскомъ, — словомъ, со всѣми развѣтвленїями вели-

каго восточнаго вопроса. Сущность послѣдняго и заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ осуществленіи духовной самобытности грекославянскаго міра, оспариваемой издревле западными теоретиками и политиками, а съ ихъ голоса — и нашими западниками, столь еще многочисленными въ интеллигентныхъ кругахъ не только польскаго, чешскаго, словинскаго, хорватскаго, но и сербскаго, болгарскаго, а главнымъ образомъ — русскаго славянства. Этимъ западническимъ недомыслиемъ и объясняются, главнымъ образомъ, все возрастающіе успѣхи на грекославянской почвѣ разныхъ заносныхъ плевеловъ, въ родѣ наступательнаго германизма, итальянизма, мадьяризма, юдаизма и т. п. которые ослабляютъ организмъ не только западныхъ вѣтвей нашего племени, но и южныхъ и даже восточныхъ, облегчая этимъ экономическую ихъ эксплуатацію и духовное закрѣпощеніе.

Переходя затѣмъ къ вопросу объ объемѣ, содержаніи и періодахъ славянской исторіи, какъ самостоятельной науки, мы остановимся прежде всего на ея пространственныхъ и временныхъ граняхъ.

Еслибы славянство жило отдѣльно отъ прочихъ народовъ, на какомъ нибудь полуостровѣ напр. или островѣ, то вопросъ о территоріальныхъ граняхъ его исторіи не вызывалъ бы сомнѣній. Но на дѣлѣ видимъ иное. Славяне живутъ почти въ серединѣ арійскаго человѣчества и азійско-европейскаго материка, не имѣя рѣзкихъ границъ, въ родѣ напр. Гималаевъ для индусовъ, Альпъ для италиковъ, Пиренеевъ для испанопортугальцевъ и т. п. Вслѣдствіе того западная напр. граница славянскаго міра проводится различно, по линіи то отъ Кенигсберга до Триеста, то отъ Данцига до Венеціи. Подобнымъ образомъ и на югѣ славянская территорія простирается, по мнѣнію однихъ, до Скадрскаго озера и Адрианополя, по другимъ — до Архипелага и Босфора. На востокъ одни считаютъ гранью славянскаго міра Уралъ, другіе берега Тихаго океана. Са-

мую новую и научную попытку опредѣленія славянской или грекославянской территоріи находимъ въ сочиненіи В. И. Ламанскаго : Три міра азійско - европейскаго материка (СПб. 1892 г.). Западная граница этого міра опредѣляется здѣсь такъ : сухопутная русско-норвежско-шведская граница; Ботнической и Рижской заливы; затѣмъ ломаная линія, проходящая по прусскимъ и австрійскимъ землямъ, между Балтійскимъ и Адриатическимъ морями, Данцигомъ и Триестомъ; а наконецъ Адриатическое и Ионическое моря. Южную границу составляютъ, по мнѣнію проф. Ламанскаго, Средиземное море и азіатская Турція, причеиъ Малая Азія и Сирія принадлежатъ-де скорѣе міру среднему (грекославянскому), чѣмъ собственно - азіатскому. Далѣе въ Азіи граница нашего міра совпадаетъ-де приблизительно съ границами Россійской имперіи, проходящими по Арарату, Паропамизу, горнымъ хребтамъ Тянь-Шань, Алтайскому, Саянскому, Хинганскому и по р. Амуру. Востокъ и сѣверъ этого міра омываются Тихимъ и Ледовитымъ океанами. На этой громадной территоріи, опредѣляемой главнымъ образомъ утверженіемъ на ней русскаго государства и народа, находится немало народовъ и неславянскихъ, каковы наприиъръ: лѣты, румыны, албанцы, греки, многочисленныя народности чудскаго корня, съ мадьярами, ѣстами, финнами во главѣ, народы тюркскаго корня и мн. др.; но они являются какъ бы спутниками того историческаго солнца, которое называется міромъ грекославянскимъ (по преобладанію въ немъ сначала грековъ, а потомъ славянъ) или, по терминологіи В. И. Ламанскаго, среднимъ, по противоположенію міру западному или европейскому въ тѣсномъ смыслѣ — съ одной стороны, а восточному или азіатскому — съ другой.

Въ отдѣльныя главы славянской, а тѣмъ болѣе грекославянской исторіи входитъ, конечно, обзорѣніе историческихъ судебъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ и государствъ то западнаго, то восточнаго культурныхъ круговъ,

напр. Венеціи, Австріи, Пруссіи, Турціи, Персіи, Монголіи и т. д.; но ихъ роль въ организмѣ славянской исторіи совершенно иная, чѣмъ роль, положимъ, Литвы, Румыніи, Угорщины, которыя развивались совмѣстно со славянами не въ одну лишь, а во всеѣ эпохи своей исторической жизни, вслѣдствіе чего не могутъ быть изучаемы въ отдѣльности отъ славянъ, составляя вмѣстѣ съ послѣдними одно культурное цѣлое.

Такое расширеніе славянской исторіи на цѣлый рядъ инородческихъ спутниковъ, конечно, значительно раздвигаетъ ея рамки и осложняетъ задачи; но съ другой стороны, сопринадлежность ихъ къ славянамъ возвышаетъ значеніе исторіи послѣднихъ въ системѣ всемірной исторіи, общей соціологіи, общей политики.

Нужно еще отмѣтить, что упомянутая сопринадлежность къ славянству цѣлой группы инородцевъ средняго міра издавна чувствовалась лучшими его знатоками, напр. Константиномъ Багрянороднымъ въ сочиненіи *De administrando Imperio*, въ нашей Повѣсти временныхъ лѣтъ, а впослѣдствіи въ трудахъ византолога Бандури, славистовъ Дѣбровскаго, Копитара, Миклошича, Ягича, Востокова, Григоровича, Ламанскаго, Васильевскаго, Веселовскаго, Корша и др. Особенно характерна въ этомъ отношеніи дѣятельность покойнаго вѣнскаго славяновѣда Миклошича, который, не признавая теоретически такихъ „абстрактовъ“, какъ „славянство“, „грекославянство“, практически включилъ однако въ свои славяновѣдныя разысканія и мадьяръ, и румыновъ, и албанцевъ, и новогрековъ, даже турокъ и цыганъ, какъ это замѣтно отчасти и у его учителя Копитара.

Переходя затѣмъ къ временнымъ гранямъ славянской исторіи, мы замѣчаемъ, что хотя славяне являются чуть ли не самымъ младшимъ изъ великихъ историческихъ дѣятелей арійскаго происхожденія, тѣмъ не менѣе они имѣютъ уже за собою болѣе десяти вѣковъ исторической жизни. Не такъ давно Россія отпраздновала тысячелѣтія

русскаго государства и славянской грамоты; затѣмъ слѣдовали десятивѣковыя годовщины блаженной кончины свв. Кирилла и Меѳодія, 900-лѣтіе крещенія Руси, 1000-лѣтіе прибытія мадьяръ въ Дакію, Языгію, Паннонію или нынѣшнюю Венгрію. Итакъ, 9—10 вѣковъ: вотъ періодъ исторической жизни большинства славянскихъ народовъ. Что лежитъ за этими вѣками, то составляетъ уже для славянъ эпоху полуисторическую, до временъ Юстиніана и Прокопія; а еще далѣе передъ нами разстилается мракъ доисторическаго прозябанія славянъ, ихъ дѣтства и только пассивнаго участія въ событіяхъ тогдашней исторической жизни. Можно, конечно, при помощи лингвистической палеонтологіи, сравнительной мифологіи и доисторической археологіи освѣтить нѣсколько и эти темные вѣка славянскаго дѣтства, эпохи ихъ бронзовой или даже каменной техники; но такъ какъ мы не видимъ тамъ проявленій личности и сознанія, а только продукты массовой дѣятельности, полуинстинктивнаго творчества, то и изученіе этихъ вѣковъ входитъ въ задачи скорѣе славянской этнологіи, чѣмъ исторіи.

Что касается другой, обращенной къ намъ временной грани славянской исторіи, то она простирается до событій не вчерашнихъ только, но и сегодняшнихъ, ибо исторія вообще не должна избѣгать изученія новѣйшихъ эпохъ культурной жизни, якобы принадлежащихъ уже другой наукѣ, политикѣ, и недоступныхъ для объективнаго изображенія, по незаканченности явленій и трудности перспективнаго ихъ освѣщенія. Политика въ этомъ значеніи представляется какъ бы послѣдней страницей исторіи, изучающею поперечный, такъ сказать, разрѣзъ событій вчерашняго дня. Собственно съ этихъ событій и слѣдовало бы начинать исторію, если бы оказалось возможнымъ примѣнить къ ней методъ наукъ точныхъ, подвигающихся отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ — отъ переживаемаго къ воспоминаемому и воспроизводимому на

основані матеріальнихъ и нравственныхъ остатковъ и слѣдовъ прошлаго. Иначе, начиная напр. исторію съ вѣковъ намъ мало понятныхъ и во многомъ недоступныхъ, мы постоянно наталкиваемся на историческія уравненія со многими неизвѣстными, которыя могутъ быть опредѣлены лишь съ очень условнымъ приближеніемъ.

Существуетъ нѣмецкое — и довольно высококомѣрное — заявленіе, что „славяне занимаютъ болѣе мѣста на землѣ, чѣмъ въ исторіи“. На дѣлѣ это вовсе не оправдывается при сколько нибудь внимательномъ изученіи средней и новой исторіи европейскаго и азіатскаго человѣчества. Наряду съ романцами и германцами, славяне являются третьимъ основнымъ стволомъ европейскаго аризма, хотя они нѣсколько моложе двухъ первыхъ группъ на поприщѣ міровой исторіи и жизни. Романцы (кромѣ волоховъ), представляющіе помѣсь кельтовъ и иберовъ съ италиками и ихъ колонистами въ Галліи и Иберіи, а впослѣдствіи съ германцами и нѣкоторыми другими народами, выступаютъ на сцену всемірной исторіи за нѣсколько вѣковъ до Рожд. Христова, какъ это извѣстно изъ гальскихъ нашествій на Италію, гальскихъ войнъ Юлія Цезаря и другихъ фактовъ римской исторіи. Равнымъ образомъ и германцы или тевтоны выступаютъ на сцену еще при Маріи, играютъ видную роль при Августѣ и его ближайшихъ преемникахъ, а къ V в. уже успѣваютъ разгромить западную имперію и образовать въ Германіи, Британіи, Галліи, Иберіи, даже въ Африкѣ цѣлый рядъ германскихъ государствъ, значительная часть которыхъ уже при Карлѣ Вел. была организована въ составѣ имперіи франковъ, иначе священной римской имперіи нѣмецкой націи.

Гораздо позже начинается выступленіе на сцену всемірной исторіи славянъ. Они двигались собственно уже за готами и другими родственнымими имъ германскими племенами, какъ второй валъ въ великомъ переселеніи народовъ, вслѣдствіе чего и эпоха образованія славянскихъ госу-

дарствъ относится не къ первымъ вѣкамъ нашей эры, а къ IX—X вв., слѣд. на 500—600 л. позже, чѣмъ у романогерманцевъ.

Этотъ существенный въ славянской исторіи хронологическій фактъ нѣкотораго запозданія въ выступленіи славянъ на сцену исторіи не только за романцами, но и за германцами, имѣетъ важное значеніе и въ общей исторіи европейскихъ арійцевъ, вплоть до нашихъ дней. Имъ главнѣйше объясняются многія неудачи и утраты славянства въ борьбѣ съ романогерманцами, какъ болѣе старыми и искушенными опытомъ народами средневѣковой и новѣйшей Европы.

Кромѣ болѣе поздняго выступленія славянъ на историческую сцену, были впрочемъ и другія причины, замедлившія ихъ культурный ростъ еще на нѣсколько вѣковъ, вслѣдствіе чего возникла какъ бы нѣкоторая ихъ отсталость въ сравненіи съ народами романогерманскими.

Таковыми причинами представляются: во 1) ббольшая консервативность славянскихъ народныхъ массъ, что особенно ярко отражается на архаичномъ строѣ славянскаго языка (за изъятіемъ болгарскаго нарѣчія), уступающаго въ этомъ отношеніи только языку литовскому, но далеко превосходящаго языки германскаго, а тѣмъ болѣе романскаго корня; во 2) неблагоприятное расположеніе славянской территоріи, на пути изъ Азіи въ Европу, по которому двигались безчисленные степняки средней Азіи, борьба съ коими въ теченіе многихъ столѣтій составляла главную задачу и заботу славянъ, особенно восточныхъ и южныхъ; въ 3) относительная скудость славянской почвы и трудность климатическихъ условій, требовавшихъ болѣе затратъ физическихъ и нравственныхъ силъ, чѣмъ въ болѣе благословенныхъ краяхъ германскаго и романскаго запада, а наконецъ въ 4) самая обширность славянской географической области и разбросанность, а слѣд. и разобщенность населенія, лишеннаго удобныхъ путей сообщенія, которые

также являются немаловажнымъ факторомъ въ быстротѣ культурнаго оборота. Къ тому же, славянская территорія расположена относительно дальше отъ культурныхъ очаговъ старой Европы, именно Греціи и Италіи, Царегграда и Рима, что конечно было благопріятно для самостоятельности ихъ развитія, но не для быстроты ихъ культурнаго роста. Кажется, благодаря именно этому обстоятельству не принесли славяне столь тяжкихъ жертвъ эллинизму, какъ кельты, а затѣмъ и нѣмцы — латинизму, въ Галліи, Иберіи, Италіи. Это отражается даже на славянскомъ языкѣ, который въ несравненно меньшей мѣрѣ подвергся вліянію языка греческаго, чѣмъ напр. языки кельтскій, англійскій, да и нѣмецкій — вліянію латыни. То же естественно уже а priori предполагать объ отношеніяхъ къ эллинизму и византинизму славянскаго народнаго быта, народнаго права, искусства, государственности, религіи, — словомъ, всѣхъ сторонъ славянской образованности, по сравненію съ аналогичными отношеніями къ Риму образованности не только романскихъ, но и германскихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, указанная географическія условія и историческія соотношенія не могли не отразиться на нѣкоторомъ замедленіи темпа славянской исторической жизни, слѣд. на нѣкоторой ея отсталости по сравненію съ болѣе передовыми и болѣе возмужалыми народами европейскаго Запада.

Но признавая эту относительную юность грекославянъ и возмужалость романогерманцевъ, мы не находимъ здѣсь основаній утверждать, что и первые не имѣютъ исторіи, не совершили крупныхъ, всемірноисторическихъ подвиговъ. Уже отмѣченные выше факты внѣшней жизни славянъ, въ частности же то, что они составляли въ теченіе многихъ вѣковъ какъ бы охранный валъ для западной Европы, прикрывавшій ее отъ вторженія восточныхъ степняковъ или по крайней мѣрѣ ослаблявшій силу натиска на нее изъ Азіи, составляетъ такой всемірноисторическій подвигъ, ко-

торый можетъ быть сравненъ развѣ съ войнами Персидскими въ исторіи классической Эллады и Пуническими въ жизни древняго Рима. Потому то и въ славянскомъ народномъ эпосѣ, особенно русскомъ, сербскомъ и болгарскомъ, борьба славянскихъ богатырей со степными чудищами, татарами, турками, съ которыми слились, вѣроятно, и прежніе боги тьмы, составляетъ чуть ли не господствующій мотивъ поэтическаго изображенія.

Не лишены значенія и экономическіе вклады славянства въ жизнь Европы. Не ему ли обязана послѣдняя хозяйственной обработкой громадной территоріи, значительно превосходящей площадь расселенія германцевъ или романцевъ въ Европѣ и донинѣ служащей важнымъ подспорьемъ для пропитанія западныхъ сосѣдей славянства?

Въ политической же исторіи запада участіе — то пассивное, то активное — славянъ встрѣчаемъ чуть не на каждой страницѣ, начиная со временъ Карла V. и до нашихъ дней. Вспомнимъ напр. роль Чехіи въ судьбахъ священной римской имперіи, а затѣмъ еще Хорватіи, Военной Границы, Угріи, Червонной Руси — въ судьбахъ Австріи, прибалтійскаго же славянства, поляковъ, серболужичанъ — въ судьбахъ Пруссіи.

Демократическій строй коренного славянства, въ относительной чистотѣ сохранившійся на его востокѣ и югѣ, а древле господствовавшій и у западныхъ славянъ, былъ въ теченіе вѣковъ какъ бы живымъ обличіемъ для строя западно-феодальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ для пересозданія послѣдняго. Извѣстно, на примѣръ, вліяніе чешскаго гуситства, сербохорватскаго ускочества, русскаго казачества, а въ новѣйшее время — нашего артельного и общиннаго крестьянства на соціальныя движенія и ученія старой и новой Европы.

Въ области же религіозной уже одинъ фактъ существованія, рядомъ съ романогерманскимъ папизмомъ, автономныхъ христіанскихъ церквей грекославянскаго Востока,

съ народной организаціей и даже національными литургическими языками, — не могъ не дѣйствовать на Западъ, какъ живой протестъ противъ притязаній папъ, а вмѣстѣ какъ примѣръ другой, болѣе свободной организаціи христіанскихъ церквей. Въ этомъ смыслѣ Гусъ является какъ бы учителемъ Лютера, а свв. Кириллъ и Меѳодій — какъ бы основателями національныхъ церквей Запада, его библейскихъ обществъ, самоотверженныхъ миссій и вообще свободной церковной жизни, послѣ отторженія отъ Рима.

Даже націонализація западноевропейскихъ литературъ, такъ долго подавленныхъ встарь латынью, находится повидимому въ нѣкоторой связи съ давнимъ господствомъ у славянъ народнаго языка (отчасти народныхъ изводовъ церковнославянскаго языка) въ письменности и дѣловой, и лѣтописной, художественной, церковной.

Сравнительное изученіе средневѣковыхъ западноевропейскихъ литературъ доставило уже много указаній на важное значеніе грекославянскаго посредничества между этими литературами и міромъ восточнымъ, вплоть до Ирана и Индіи. А сколько славныхъ писателей *mediae et infimae latinitatis*, а потомъ среди героевъ литературы нѣмецкой, итальянской др. вышло изъ славянъ, въ родѣ напр. поляковъ Коперника, Сарбевскаго, чеховъ Гуса, Коменскаго, Добровскаго, хорватовъ Флакка Иллирика, Руджіеро Бошковича, Томазео, серболужичанина Лессинга и мн. др. Вообще, слѣдуетъ отмѣтить, что въ эпоху возрожденія древности хорваты, словинцы, чехословаки, поляки принимали самое дѣятельное участіе въ романогерманской литературѣ и наукѣ и внесли въ нее столь важные вклады, что по выдѣленіи ихъ пошатнулись бы самыя основы западноевропейской образованности. Да и въ настоящее время широкое развитіе славянской науки и искусства, напр. въ областяхъ чехословенскихъ, хорватскихъ и польскихъ, особенно же въ Россіи, является фактомъ общеевропейскаго, даже міроваго значенія.

Впрочемъ, какъ ни важно историческое значеніе греко-славянскихъ вкладовъ и подвиговъ для Запада, оно, конечно, еще важнѣе для самихъ грекославянъ, а черезъ нихъ — для міра. Въ самомъ дѣлѣ, славянство составляетъ такой историческій организмъ, развитіе и судьбы котораго далеко не безразличны для множества другихъ народовъ, да и для всего образованнаго человѣчества. Уже одна многочисленность славянъ (свыше 100 милл.) и распространенность ихъ на необъятной площади — отъ Чешскаго лѣса и Норическихъ Альпъ до Берингова пролива и Сахалина, а отъ Олимпа, Арарата, Паропамиза до Ледовитаго океана, создаетъ для славянъ въ Старомъ свѣтѣ такое положеніе, которое не боится сравненій съ многолюдствомъ и распространенностью любого другого великаго историческаго народа, напр. индусовъ, римлянъ, нѣмцевъ и др. Многолюдство же племени и его распространенность въ данномъ случаѣ, какъ и вообще, можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на размѣры его физическихъ силъ, энергію труда и успѣхъ борьбы за существованіе какъ съ природою, такъ и съ другими народами, жившими на той же площади или имѣвшими на нее притязаніе.

Но и духовныя силы этого младшаго изъ арійскихъ дѣятелей исторіи не уступаютъ, кажется, другимъ арійцамъ, насколько можно о томъ судить по проявленіямъ этихъ силъ въ области языка, вѣрованій, сказаній, въ творчествѣ научномъ и художественномъ, въ дѣятельности религіозной, политической, общественной и т. д. Славянскій языкъ, въ совокупности своихъ нарѣчій и говоровъ — прошедшаго и настоящаго времени — составляетъ по своему грамматическому строенію и лексическимъ богатствамъ одно изъ величайшихъ созданій человѣческаго духа въ области язычной. Онъ смѣло можетъ быть сравненъ въ этомъ отношеніи съ языками древнеиндійскимъ, древнегреческимъ, нѣмецкимъ. Народная словесность славянъ въ области эпоса, лирики, дидактики врядъ ли имѣетъ

нынѣ себѣ равную по богатству, силѣ и необычайной живучести. То же можно сказать о славянской народной музыкѣ, особенно русской. Въ области политической славянство не только въ прошедшемъ представляетъ значительныя государства, каковы напр.: великоморавское въ IX в., болгарское въ X, а затѣмъ въ XIII в., сербское въ XIV в., чешское въ XV в., польское въ XVI—XVII в., но и въ настоящемъ имѣетъ столь могущественнаго вождя и представителя, какъ Россія, съ ея прочнымъ государственнымъ строемъ, испытаннымъ вѣками и безчисленными невзгодами. Еще обширнѣе религиозное значеніе славянства, какъ главнаго нынѣ носителя ученія и учрежденій восточной церкви, этого древнѣйшаго и основнаго ствола въ развитіи идей и формъ христіанства. Обширны и тѣ задачи, которыя если не выполнены, то хоть намѣчены славянствомъ въ области соціально-экономической, съ его артелями, общиннымъ землевладѣніемъ, круговой порукой, въ которыхъ быть можетъ скрывается разрѣшеніе тѣхъ противрѣчій капитализма и павперизма, въ которыхъ нынѣ запутался Западъ, „дрожащій надъ бездною“ соціальной революціи. Наконецъ и въ области научнохудожественной славянство уже теперь представляетъ дѣятеля настолько крупнаго и самобытнаго, что изученіе его языковъ, особенно русскаго, его произведеній научныхъ, его школъ живописи, музыки и т. д. постепенно распространяется и на Западѣ, особенно во Франціи и Германіи, отчасти и въ Англіи и другихъ западныхъ странахъ.

Различіемъ историческаго возраста славянъ съ одной стороны, а романогерманцевъ съ другой опредѣляется и то, что періоды исторической жизни тѣхъ и другихъ вовсе не совпадаютъ, а наоборотъ — существенно различны. Такъ напр. паденіе западной римской имперіи, отдѣляющее древній періодъ западноевропейской исторіи отъ средняго, вовсе не имѣетъ такого значенія въ исторіи славянъ, ибо они не были ни активными, ни пассивными участниками этого со-

бытія и вовсе не воспользовались имъ, какъ германцы, для своего утверженія на развалинахъ этой имперіи. Равнымъ образомъ и открытіе Колумбомъ Америки, почти совпавшее съ реформаціей латинской церкви, не имѣетъ первостепеннаго значенія въ исторіи славянъ, которые только въ XIX в. начали пользоваться дорогами въ новый свѣтъ и лишь въ слабой степени были задѣты дѣятельностію Лютера и другихъ реформаторовъ чуждаго громадному большинству славянъ папизма. Нѣтъ, не эти событія должны признаваться эрами славянской исторіи, а совершенно другія. Гранью полуисторическаго и историческаго періодовъ жизни славянъ является, безспорно, дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія, совпавшая по времени съ образованіемъ первыхъ славянскихъ государствъ, ихъ постепенной христіанизацией и зарожденіемъ славянской письменности. Другою такою же гранію слѣдуетъ, кажется, признать паденіе имперіи, но не западной, а восточной или завоеваніе Цареграда турками, совпавшее съ окончательнымъ разгромомъ югославянскихъ государствъ и перенесеніемъ культурныхъ центровъ славянства съ юга на западъ (въ Дубровникъ, Чехію, Польшу) и востокъ, гдѣ съ этого времени возвышается Москва, какъ третій Римъ или — вѣрнѣе — второй Цареградъ. Третью же грань въ славянской исторіи составляетъ колоссальная личность и дѣятельность Петра В., въ частности же Полтавская побѣда, перенесшая въ Россію политическое, а затѣмъ и вообще историческое представительство всего славянства, даже всего греко-славянства.

Принимая эти событія, какъ порубежныя грани славянской исторіи, мы получаемъ для нея слѣдующіе періоды (сверхъ доисторическаго и полуисторическаго):

- I. древній, отъ свв. Кирилла и Меѳодія до паденія Цареграда;
- II. средній — до Петра В., и
- III. новый — съ Петра В.

Первый характеризуется, въ области политической, основаніемъ славянскихъ государствъ на югѣ, западѣ, востокѣ и очень успѣшнымъ ихъ развитіемъ, особенно въ началѣ этого періода, при Ростиславѣ великоморавскомъ, Симеонѣ болгарскомъ, Кресимирахъ I и II и Свинимирѣ хорватскихъ, Болеславахъ чешскомъ и польскомъ (Храбромъ), Олегѣ, Владимірѣ, Ярославѣ Мудромъ русскихъ. Угры, печенѣги, половцы съ одной стороны, а нѣмцы и отчасти Византія съ другой успѣли, правда, и въ эту пору нанести славянамъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ, особенно въ Угріи конца IX и начала X в., въ Болгаріи при Самуилѣ и въ Руси при Святославѣ. Но удары эти не были смертельны: Великоморавія напр. воскресла въ X—XI вв. въ полуславянской Угріи того времени, а Болгарія возродилась въ концѣ XII в., въ періодъ образованія второго болгарскаго царства, совпавшій съ появленіемъ Сербіи Неманичей. Болѣе вреда надѣлали удѣльные междоусобія князей, особенно въ Руси и Польшѣ, едва не доведшія ихъ до гибели подъ ударами то Батая, то нѣмцевъ. Но и эти невзгоды постепенно сглаживаются къ концу древняго періода, когда съ одной стороны Русь, объединившись подъ Москвою, начинаетъ наступательное движеніе на татарскій востокъ, съ другой же Польша, вступивъ въ унію съ Литвой и западной Русью, отражаетъ нѣмцевъ подъ Танненбергомъ и образуетъ на федеративныхъ началахъ обширное государство, простиравшееся нѣсколько позже отъ береговъ Балтійскаго моря до Чернаго.

Только на югѣ древній періодъ заканчивается паденіемъ не одной Византіи, но и государствъ болгарскаго, сербскаго, на половину и Венгріи, при чемъ однако это не было окончательнымъ ихъ замираніемъ, а скорѣе временнымъ сномъ, за которымъ послѣдовало пробужденіе и возрожденіе при лучшихъ историческихъ условіяхъ. Смерть — притомъ не политическая лишь, но и народная — постигла въ этотъ періодъ лишь прибалтійскихъ славянъ, кото-

рые въ его началѣ господствовали до Эльбы, а къ концу осуждены были на гибель даже на Одрѣ и нижней Вислѣ.

Впрочемъ, этотъ печальный исходъ многовѣковой борьбы славянъ прибалтійскихъ обусловленъ былъ не только государственною слабостію, разрозненностію, междоусобіями западныхъ славянъ, особенно ляхско-балтійской группы, но еще болѣе раннимъ проникновеніемъ въ ихъ среду латинскихъ миссіонеровъ, монаховъ, епископовъ, вообще латинскаго духовенства. Послѣднее подорвало въ ней основы и стараго язычества, и возможнаго распространенія въ тѣхъ краяхъ грекославянской церкви, которая одна могла бы поддержать силы этихъ славянъ въ борьбѣ съ Западомъ и обезпечить имъ взаимодѣйствіе со славянствомъ южнымъ и восточнымъ.

Вообще, необходимо признать, что судьбы грекославянской церкви въ этотъ періодъ славянской исторіи, а отчасти и въ дальнѣйшіе, составляютъ основной фактъ ея, болѣе важный по вліянію на успѣхи народной образованности, чѣмъ событія политическія, экономическія и т. п. Прочное утвержденіе этой церкви въ славянствѣ южномъ и восточномъ болѣе всего опредѣлило его принадлежность къ восточнохристіанскому культурному типу и слѣдовательно непринадлежность къ типу западному, латинонѣмецкому. На этой почвѣ развивалась затѣмъ славянская литература, искусство, право и т. д., вслѣдствіе чего безъ изученія судебъ славянской церкви нельзя понять самыхъ основныхъ сторонъ народной жизни славянъ. Даже въ исторіи славянскаго запада многое представляется необъяснимымъ безъ справокъ въ этой области, напр. значеніе церковной уніи, составляющей столь важный фактъ въ исторіи Угріи XI—XIII в., Болгаріи и Сербіи XIII—XIV вв., Руси и Польши съ XIV—XV вв.; значеніе и судьбы чешскаго гуситства, исторія чешскихъ и моравскихъ братьевъ и т. п.

Въ области общественно - экономическихъ отношеній древняго славянства слѣдуетъ прежде всего отмѣтить внутреннее единство демократическаго строя его тогдашней жизни, лишь слегка задѣтаго въ періодъ образованія славянскихъ государствъ элементомъ дружиннымъ и его служилыми развѣтвленіями. Дальнѣйшая сословная дифференцировка этого строя, неизбѣжная и сама по себѣ, была не мало опредѣлена уже въ древній періодъ различіемъ культурныхъ воздѣйствій, съ одной стороны — византійскаго бюрократизма, съ другой же — романогерманскаго феодализма, который прочно утвердился въ Польшѣ, Чехіи, Угріи, Хорватіи, отчасти проникалъ и въ Византію, а черезъ Польшу — въ западную Русь.

Въ научнохудожественной области древній періодъ характеризуется безспорнымъ господствомъ византійскаго вліянія, которое проникало и къ западнымъ славянамъ до XI—XII вв. Носителемъ тогдашней славянской науки былъ главнымъ образомъ церковнославянскій языкъ и церковнославянская письменность, основанная на переводахъ съ греческаго и подражаніяхъ имъ въ областяхъ агиографіи, лѣтописанія, дидактики. Церковнославянскій языкъ былъ въ X—XI вв. органомъ не только богослуженія, но и литературы у славянъ южныхъ, восточныхъ, отчасти и западныхъ, какъ это явствуетъ изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ чехословенскаго извода (отрывки Кіевскіе и Пражскіе), а также изъ житій чешскихъ святыхъ Вячеслава и Людмилы и отрывковъ службъ имъ. Изъ произведеній чехословенскаго лѣтописанія на церковнославянскомъ языкѣ до насъ ничего не дошло, но въ нашей Повѣсти временныхъ лѣтъ такъ подробно говорится о нѣкоторыхъ событіяхъ великоморавской исторіи IX в., что невольно возникаетъ предположеніе о чехословенскихъ источникахъ такихъ преданій „Повѣсти“. Повидимому, такіе источники были въ рукахъ и у составителя Паннонскихъ житій, возникшихъ на югѣ, но сохранившихъ много вѣрныхъ подробностей изъ

жизни западныхъ славянъ того времени. Конечно, господство церковнославянскаго языка и письменности у послѣднихъ продолжалось недолго и врядъ ли проникло во всея области. По крайней мѣрѣ, чешскія грамоты временъ св. Войтѣха были писаны уже по латыни, подобно какъ и чешскія, моравскія, польскія лѣтописи почти всего древняго періода; лишь къ концу его понемногу проникаетъ въ эту область, а равно въ юриспруденцію, дидактику, богословіе Чехіи, а за нею и Польши языкъ славянскій, но уже не въ церковнославянскомъ облаченіи, а въ видѣ мелкихъ діалектовъ — чешскаго и польскаго.

И въ области искусства можно прослѣдить за весь древній періодъ сильное вліяніе византійскихъ образцовъ, даже въ Угріи и Чехоморавіи. Но со второй половины этого періода все болѣе усиливается въ странахъ западнославянскихъ вліяніе стіля романскаго и германскаго, который отражается не только въ произведеніяхъ архитектуры, скульптуры, живописи, но даже въ графикѣ западнославянской, построенной не на кириллицѣ или глаголицѣ, а на голой латинской абecedѣ, какъ во времена до изобрѣтенія славянскихъ письмъ.

Если подвести балансъ пріобрѣтеніямъ и утратамъ славянства въ древній періодъ его исторіи, то съ одной стороны нельзя не видѣть, что нѣкоторымъ изъ его вѣтвей нанесены были въ это время тяжелые то матеріальные, то нравственные удары. Такъ на югѣ были отчасти эллинизованы, отчасти обалбанены и орумунены многія вѣтви славянства малоазійскаго, морейскаго, эпирско-македонскаго, ерако-дакійскаго. И побережье Чернаго моря, которое въ началѣ этого періода не даромъ называлось „Русскимъ“, къ концу его становится болѣе или менѣе инородческимъ. На западѣ часть территоріи хорватской и словинской была занята итальянцами, опиравшимися на Венецію; въ странахъ подальшійскихъ она была стѣснена колоніями верхненѣмецкими или швабскими, въ Чехіи средненѣмецкими;

въ странахъ серболужицкихъ и прибалтійскихъ была буквально залита колоніями нижненѣмецкими или сакскими. Значеніе этой сакской колонизаціи въ исторіи не только славянской, но и вообще европейской можетъ быть сравнено лишь съ англосаксонскими пріобрѣтеніями въ Великобританіи.

Но съ другой стороны племенная площадь славянъ не мало и расширилась въ древній періодъ, благодаря колонизаціонной дѣятельности народа русскаго, раздвинувшаго границы славянства на сѣверѣ до Бѣлаго моря, на востокѣ до Волги и Урала, а впоследствии — до Камчатки и Владивостока.

Въ области нравственной славянство не мало потеряло уже въ древній періодъ отъ усиленія на западныхъ его окраинахъ образованности латинонѣмецкой, оторвавшей ихъ болѣе или менѣе отъ восточно-христіанскаго ствола славянства и такимъ образомъ внесшей въ его среду культурный дуализмъ, источникъ взаимнаго отчужденія самыхъ близкихъ древле славянскихъ вѣтвей и братоубійственныхъ усобицъ между нами, столь облегчившихъ впоследствии торжество нѣмцевъ на многихъ изъ этихъ окраинъ.

Однако громадное большинство славянъ, особенно на югѣ и востокѣ, сохранило вѣрность воспринятымъ въ IX—X вв. началамъ грекославянской образованности, которая настолько окрѣпла къ концу древняго періода, что и по паденіи Цареграда могла продолжать свое развитіе. Конечно, культурные центры ея были потомъ перенесены — изъ Цареграда и Аѳона, Тернова и Ресавы въ Кіевъ, Новгородъ, потомъ Москву; но это не отразилось особенно вредно на содержаніи и успѣхахъ грекославянской образованности.

Во второй или средній періодъ славянской исторіи югославяне, со включеніемъ грековъ, албанцевъ, румыновъ, отчасти мадьяръ, постепенно теряютъ политическую независимость и входятъ въ составъ Оттоманской имперіи. Последняя по территоріи приблизительно совпадала съ импе-

ріей Александра Великаго, Юстиніана и Василия II Македонскаго; но по культурнымъ своимъ основамъ, какъ государство мусульманское, она принадлежитъ другому, именно чисто-азиатскому культурному типу, являясь въ этомъ смыслѣ какъ бы продолженіемъ царствъ Персидскаго, Арабскаго, Монгольскаго.

Вынужденные съ той поры, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, служить пьедесталомъ, отчасти даже цементомъ (именно въ славянскомъ янычарствѣ) этой мусульманской имперіи, югославяне, подобно другимъ православнымъ подданнымъ Турціи, были осуждены какъ бы бесплодно и даже во вредъ себѣ растрчивать свои физическія и нравственныя силы. Но съ другой стороны, если принять во вниманіе, что ни греки, ни болгары, ни сербы не имѣли въ XIV—XV достаточно силъ, чтобы сдерживать напоръ романогерманскаго запада на области восточнохристіанской культурной системы; что слѣдовательно безъ турокъ они, по всей вѣроятности, были бы раздавлены совмѣстными усиліями папъ, Венеціи и Габсбурговъ: то слѣдуетъ признать, что оказанное грекославянами туркамъ вольное или невольное содѣйствіе при образованіи и развитіи Оттоманской державы не пропало даромъ для дальнѣйшихъ судебъ грекославянскаго міра. Къ тому же нельзя не отмѣтить, что во второй половинѣ разсматриваемаго средняго періода, съ конца XVI в., когда Турція начала понемногу клониться къ упадку и, въ виду постепеннаго усиленія Россіи, становилась для цѣлей грекославянства какъ бы плеоназмомъ, югославянскимъ гайдукамъ, а также нашему казачеству не мало обязана была Европа ускореніемъ процесса разложенія Турціи и ея вытѣсненія съ наступательныхъ позицій на Дунаѣ, побережьяхъ Адриатики и въ южнорусскихъ степяхъ.

На славянскомъ западѣ въ средній періодъ мы находимъ три болѣе или менѣе значительныя и самостоятельныя государства: угорское, чешское и польское, между которыми вообще существовали очень тѣсныя сношенія и

связи, перѣдко выражавшіяся въ формахъ династической уніи. Угрія при Корвинѣ, а Чехія при гуситскомъ королѣ Подѣбрадѣ представляли довольно значительную государственную силу. Къ сожалѣнію, вскорѣ оказалось, что основы этихъ государствъ не вполне надежны. Въ 1526 г. послѣ злополучной Могачской битвы рухнула Угрія, занятая отчасти турками, отчасти же Габсбургами, въ силу особаго династическаго договора. Въ то же время и Чехія подчиняется Габсбургамъ, съ сохраненіемъ, правда, на нѣкоторое время автономіи, которая однако была утрачена послѣ Бѣлогорской битвы (1620). Но Польша, окрѣпнувъ отъ уніи съ Литвою и западной Русью, проявила болѣе политической живучести. Разгромивъ въ XV в. Тевтонскій орденъ, Польша съ союзниками является въ XVI в. однимъ изъ могущественныхъ государствъ континентальной Европы и занимаетъ довольно вліятельное положеніе между Римскою имперіей на западѣ, Швеціей на сѣверѣ, Москвою на востокѣ и Турціей на югѣ. При Стефанѣ Баторіи и Сигизмундѣ III многимъ казалось, что Польша призвана быть представителемъ славянскаго міра, какъ это выражено, между прочимъ, въ знаменитой поэмѣ далматинца Гундулича „Osman“. Въ смутное время польсколитовскія войска заняли значительную часть и московской Руси, а польско-іезуитскій ставленикъ Самозванецъ сидѣлъ уже въ Кремлѣ. Но не прошло и ста лѣтъ, какъ все это величіе рухнуло, подъ ударами главнымъ образомъ казаковъ, а затѣмъ шведовъ и Москвы, такъ что къ концу средняго періода славянской исторіи Польша является уже государствомъ дряхлымъ, разлагающимся, хотя политическая агонія его затянулась и на новѣйшій ея періодъ.

Гораздо прочнѣе и долговѣчнѣе оказался государственный ростъ Московской Руси, съ Ивана III. Страшный внутренний кризисъ прошла она во вторую половину царствованія Ивана IV и въ смуты самозванчества; но благополучный выходъ изъ этого кризиса, обусловленный не ка-

кими либо внѣшними случайностями, а подъемомъ народнаго духа и организаціей силъ по почину народныхъ массъ, является началомъ оздоровленія и еще болѣе мощнаго развитія этого громаднаго государственнаго организма. Лучшимъ доказательствомъ того служить добровольное воссоединеніе Малороссіи, послѣдовавшее такъ скоро послѣ смуть казачества при Самозванцахъ. Въ этотъ же средній періодъ славянская территория далеко раздвинулась и на востокъ, именно въ Сибирь, которая призвана, повидимому, играть въ исторіи Россіи, а слѣдовательно и всего славянства, роль аналогичную, но конечно не тождественную той, какая выпала Сѣверной Америкѣ въ исторіи племени англосаксонскаго.

Въ области религіозной средній періодъ ознаменовался прежде всего перенесеніемъ съ юга на востокъ главныхъ центровъ восточнохристіанской, въ частности же греко-славянской образованности и историческаго ея представительства, вслѣдствіе упадка этой образованности въ земляхъ турецкихъ и постепеннаго роста ея въ Москвѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Львовѣ. Внѣшнимъ выраженіемъ этого факта было и утвержденіе русскаго извода церковнославянскихъ рукописей и книгъ въ богослуженіи всѣхъ славянъ, не исключая и католиковъ-глаголяшей. Съ другой стороны, славянской церкви пришлось начать въ этотъ періодъ, но далеко не закончить, борьбу съ латинонѣмецкими вліяніями, которыя выражались то въ формѣ церковныхъ уній (продолженіе флорентинской, а затѣмъ брестская), то въ формѣ раскольническихъ толповъ (жидовствующій и др.), развивавшихся не безъ вліянія еретическихъ сектъ Запада.

И между западными славянами идеи сначала гуситства и общины чешко-моравскихъ братьевъ, а затѣмъ возрожденія и реформаціи сильно подрывали было въ этотъ періодъ папизмъ и дали другое направленіе ихъ религіозной жизни. Но вскорѣ оказалось, что и протестантизмъ, вслѣдствіе своихъ специфически германскихъ примѣсей, не могъ

послужить прочною основою этой жизни, вслѣдствіе чего онъ постепенно былъ вновь оттѣсненъ папизмомъ, за исключеніемъ Словачины и отчасти Польши (прусской), гдѣ лютеранство было поддержано ненавистію къ іезуитскому латинству и силою культурныхъ вліяній Германіи.

Въ соціально-экономическомъ отношеніи славяне средняго періода не представляютъ уже столь однороднаго цѣлага, какъ славяне древнѣйшей поры. Вся западная половина или окраина нашего міра, отъ Далмаціи до Чудскаго озера, была охвачена вліяніями феодальнаго Запада, съ его специфическимъ магнатствомъ, шляхетствомъ, бюргерствомъ и подавленнымъ крестьянствомъ. Даже на югѣ и востокѣ славянства этотъ западный укладъ общества началъ было кое-гдѣ утверждаться, но окончательному его торжеству помѣшали: на югѣ турки, вовсе не знавшіе та того уклада и даже враждебные ему, на востокѣ же — казачество и эмиграція, наряду съ сохранившимися еще тамъ живучими остатками стариннаго общиннаго типа русскаго крестьянства.

Въ научно-художественной области средній періодъ выдвинулъ на первую сцену славянъ западныхъ, именно: далматинскихъ (дубровчане и др.), хорутанскихъ, угорскихъ, чехоморавскихъ, польскихъ, принимавшихъ столь дѣятельное участіе въ наукѣ и искусствѣ эпохи возрожденія и реформации. Въ этомъ отношеніи отъ славянъ западныхъ отсталъ не только поработенный турками югъ, но и востокъ, вслѣдствіе чего и на Руси того времени движеніе образовательныхъ идей совершается въ направленіи отъ Львова, Вильны, Кіева къ Москвѣ, Твери, Новгороду, а не наоборотъ. Впрочемъ, и на востокѣ русской земли продолжается въ этотъ періодъ органической ростъ старой грекославянской образованности, которой литературнымъ сводомъ являются Великія Четь-Минеи. Сближеніе этихъ двухъ сильныхъ потоковъ: западнаго и восточнаго, отражавшихъ культурныя вліянія съ одной стороны грекославянскаго, съ другой

же латинонѣмецкаго міра, стало обнаруживаться еще въ XVII в., но съ полной силой выразилось при Петрѣ В., что и является руководящею основою реформы, лежащей на рубежѣ средняго и новаго періодовъ славянской исторіи.

Послѣдній характеризуется въ политическомъ отношеніи прежде всего выступленіемъ Россіи на поприще не европейской лишь, какъ это имѣло прежде мѣсто по отношенію къ Болгаріи, Сербіи, Хорватіи, Угріи, Чехіи, Польшѣ, а прямо — міровой жизни. Тѣ задачи государственнаго представительства нѣсколькихъ группъ славянства, которыя были намѣчены основателями государствъ великоморавскаго, болгарскаго, сербскаго, чешскаго, польскаго, но не могли быть съ успѣхомъ выполнены то по недостатку силъ, то по другимъ неблагопріятнымъ — внутреннимъ или внѣшнимъ — условіямъ, гораздо съ бѣльшимъ величіемъ и блескомъ выполняются Петромъ В., Екатериною II, тремя Александрями, двумя Николаями, такъ что теперь не можетъ уже быть сомнѣнія въ призваніи Россіи — быть культурнымъ представителемъ не только всего славянства, но и всего грекославянства, по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ всемірной исторіи, въ который она вступила при Петрѣ В. и который переживаетъ нынѣ. Конечно, и теперь еще далеко не всѣ славянскія, а тѣмъ болѣе — грекославянскія племена входятъ въ составъ русскаго государства; но это и не требуется безусловно идеей культурнаго сотрудничества ихъ на сценѣ всемірной исторіи. Во всякомъ случаѣ, Россія вмѣщаетъ нынѣ въ себѣ не менѣе трехъ четвертей грекославянскаго міра, а на остальныхъ грекославянѣхъ обнаруживаетъ столь сильное вліяніе, что способна вызывать къ жизни новыя государства, каковы на примѣръ Греція, Румынія, Черногорія, Сербія, Болгарія, которыя безъ Россіи были бы невозможны или крайне недолговѣчны. На Россію же опираются иной разъ, даже вопреки своей волѣ, и такіе славянскіе народы, которые, повидимому, къ ней вовсе

не тяготѣють и входятъ въ составъ враждебныхъ славянству государствъ. Такъ можно утверждать, что нынѣшніе поляки вовсе не были бы столь замѣтнымъ факторомъ въ государственной жизни Германіи и Австровенгріи, если бы нѣмцы не видѣли и не щадили въ нихъ своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ союзниковъ въ возможной борьбѣ съ Россіей. То же относится въ большей или меньшей мѣрѣ и къ другимъ славянскимъ народамъ Габсбургской монархіи, напр. чехамъ, хорватамъ, словакамъ, словенцамъ и др., къ австровенгерскому патриотизму которыхъ также пришлось бы обратиться этой монархіи въ случаѣ столкновенія съ Россіей. Лишь существованіе послѣдней создаетъ для всѣхъ этихъ drobныхъ славянскихъ вѣтвей общій стволъ, сознаніе племенного единства и величія, а наконецъ возможность взаимодѣйствія на полѣ культурномъ. Путемъ этого взаимодѣйствія, вѣроятно, и установилось бы уже у славянъ какая нибудь общая политическая система, если бы этому не противодѣйствовала очень ревниво западная Европа и если бы, съ другой стороны, сами славяне не забывали такъ часто о своихъ общихъ задачахъ и не отдавались такъ легко въ кабалу своимъ высокомѣрнымъ ненавистникамъ. Уже въ прошломъ вѣкѣ Россія не мало кровныхъ жертвъ принесла на алтарѣ такъ называемаго европейскаго политическаго равновѣсія, помогая то Австріи, то Пруссіи въ ихъ взаимныхъ усобицахъ; потомъ она задалась мыслию спасти германскую Европу отъ Наполеона I, хотя это вовсе не было вызываемо ни интересами, ни чувствами русскаго, да и вообще славянскаго народа. И позже — сколько разъ приходилось Россіи помогать разнымъ западнымъ potentатамъ, чѣмъ обыкновенно лишь усиливались коалиціи Запада на случай его столкновеній съ христіанскимъ Востокомъ.

Но въ этихъ ошибкахъ русской политики повинны далеко не одни наши дипломаты, а еще болѣе — наши историки, соціологи, философы, установившіе фикцію единства

всемірної образованности, якобы найчище представляемой западноевропейскою, которой вслѣдствіе сего и обязаны-моль служить менѣе культурныя племена грекославянскаго міра.

Въ религіозной области самымъ важнымъ фактомъ новаго періода славянской исторіи является постепенный упадокъ уніи, а затѣмъ — проясненіе раскола, для котораго въ единовѣрїи найденъ мостъ для возврата къ православію. Но противоположности, раздѣляющія религіозное сознаніе славянъ западныхъ и восточныхъ, все еще не сглажены. Наоборотъ, во многихъ случаяхъ онѣ то именно и являются то явною, то скрытою причиною глубокихъ антагонизмовъ, донинѣ раздѣляющихъ напр. сербовъ и хорватовъ на югѣ, а русскихъ и поляковъ на востокѣ. Только въ самое послѣднее время, когда начались знаменательныя тысячелѣтія: изобрѣтенія славянскихъ письменъ, кончины св. Кирилла Философа, а затѣмъ св. Меодія Моравскаго, понемногу стало подготавливаться, на почвѣ основанной ими кирилло-меодіевской церкви, письменности и образованности, постепенное сближеніе славянъ латинскихъ съ грековосточными. Такимъ образомъ въ новѣйшее время наблюдается какъ бы возстановленіе историческихъ нитей, связывающихъ нашу эпоху съ отдаленными вѣками первоначальной христіанизаціи славянъ.

То же отчасти можно замѣтить и въ области соціально-экономическихъ отношеній. Уничтоженіе крѣпостничества, налегшаго было на значительную часть славянскаго крестьянства подъ вліяніемъ феодальнаго Запада, освобожденіе съ надѣломъ землю, возстановленіе волостнаго и гминнаго самоуправленія и нѣкоторыя другія аналогичныя реформы новѣйшаго времени нѣсколько сблизили организацію нашего крестьянства съ допетровскою или еще болѣе древнею. Подобною же „старинной въ новизнахъ“ нашего времени представляется бережливое отношеніе многихъ славянскихъ, отчасти и западныхъ экономистовъ къ общинной формѣ

землевладѣнія, какъ одной изъ надежныхъ гарантій противъ обезземеленія, пролетаріата и другихъ бѣдствій индивидуализма въ экономической области.

Что касается наконецъ отношеній научно-художественныхъ, то въ области ученой очень крупные вклады были сдѣланы въ послѣдніе два вѣка славянами западными и восточными, въ области же художественной — поэтами и вообще художниками русскими, польскими, чешскими, словацкими, сербскими и н. др.

Такимъ образомъ истекающее тысячелѣтіе славянской исторіи представляется временемъ далеко не потеряннымъ для образованности не только грекославянской, но и другихъ культурныхъ группъ. Къ концу этого тысячелѣтія мы замѣчаемъ постепенное сокращеніе разстоянія, отдѣляющаго въ прежніе вѣка юное славянство отъ болѣе зрѣлыхъ народовъ запада, вслѣдствіе чего можно надѣяться, что не далеко уже время, когда славянство догонитъ своихъ западныхъ учителей, какъ догнали нѣкогда при подобныхъ же условіяхъ германцы латынянь, а эти послѣдніе древнихъ эллиновъ.

10

42
1-

Est.
A-11329

15 413

Цѣна 30 коп.